

крайне невыносимой, придирчивости въ конечныхъ выводахъ изъ ученія вашего я и возстаю“.

Есть доля правды въ томъ, что примѣненіе непротивленія въ мелочахъ ежедневной жизни не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ примѣненіе того же закона въ дѣлахъ чрезвычайной важности. Но эта правда относится въ равной степени и ко всѣмъ другимъ добродѣтелямъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что гораздо легче воздерживаться отъ пороковъ своихъ, находясь подъ наблюденіемъ, подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, несмотря даже на сильнѣйшія искушенія, чѣмъ не поддаваться тѣмъ же искушеніямъ въ частной жизни подъ покровомъ тайны. Допускаю даже мысль о томъ, что легче вынести мучительную смерть при изумленной и восторгающейся толпѣ, чѣмъ выносить мучительство ежедневныхъ попрековъ, пивковъ и затрещинъ, о которыхъ никто не знаетъ, а если и узнаетъ, то не обратитъ вниманія. Допустимъ, что такъ, но развѣ отъ этого соображенія можетъ вытекать доводъ въ отмѣну самого закона? Вопросъ вовсе не въ томъ, что кому больше нравится или что кому удобнѣе или легче исполнить, вопросъ въ томъ: что праведно—сопротивленіе или прощающая любовь?

Что за жалкое обращеніе къ снисходительности нравственнаго закона для такъ называемыхъ мелочей жизни! Противники наши просятъ разрѣшенія сопротивляться немножко, только въ мелочахъ обыденной жизни; для того же, чтобы имъ быть послѣдовательными въ своемъ прошеніи, слѣдуетъ уже заодно просить снисхожденія закона и по поводу всѣхъ заповѣдей. Разрѣшите же имъ въ обыденной жизни и лгать немножко, и мошенничать и обманывать немножко, и грабить помаленьку, и красть полегоньку,—да, куда бы ни шло, позвольте имъ уже и распутничать немножко для поддержанія здоровья, съ чисто гигиенической цѣлью.

Нѣтъ! поблажекъ не можетъ быть никакихъ! Законъ и